

ВОЙНА И ЛЮДИ

WAR AND PEOPLE

Статья/Original article

УДК 94(470)"1875/1878"
DOI: 10.18413/2312-3044-2025-12-3-201-218
EDN BTLHZE

Причины и мотивы поддержки славян в общественном движении России 1875 – 1878 гг. сквозь призму свидетельств отечественных источников личного происхождения

Сучалкин Е.А.

Московский городской педагогический университет,
129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, корп. 1,
Россия

E-mail: SuchalkinEA@mgpu.ru

Пшегорский А.С.

Воронежский государственный технический университет,
394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84, Россия

E-mail: apsheg@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются свидетельства российских очевидцев Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. о причинах и мотивах поддержки антиосманской борьбы славянских народов Балканского полуострова в российском обществе того периода. Анализируется достаточно широкий спектр разнообразных источников личного происхождения, способных пролить свет на достаточно непростую проблему сущности отношения российского общества к борьбе балканских славян в тот исторический период. Источниковая база исследования представлена эпистолярным наследием, записками, воспоминаниями, дневниками российских очевидцев событий 1870-х – начала 1880-х годов. В ходе исследования удалось прийти к пониманию достаточно разнообразного спектра возможных причин поддержки балканских славян, причём в меньшей степени связанного

именно с осознанием близкого родства славянских народов на Балканах и в Российской империи.

Ключевые слова: Восточный кризис, Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг., свидетельство, участник, общество, Балканы.

Для цитирования: Сучалкин Е.А., Пшегорский А.С. 2025. Причины и мотивы поддержки славян в общественном движении России 1875 – 1878 гг. сквозь призму свидетельств отечественных источников личного происхождения. *Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. 12 (3): 201-218. DOI: 10.18413/2312-3044-2025-12-3-201-218.

Copyright: © 2025 Сучалкин Е.А., Пшегорский А.С. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

The reasons and motives for supporting the Slavs in the Russian social movement of 1875-1878 through the prism of evidence from domestic sources of personal origin

Evgeniy A. Suchalkin

Moscow City University

4 2nd Agricultural Selskokhozyaystvenny Drive, building 1, Moscow
129226, Russia

E-mail: SuchalkinEA@mgpu.ru

Anton S. Pshegorsky

Voronezh State Technical University

84 20-Letiya Oktyabrya St., Voronezh 394006, Russia

E-mail: apsheg@gmail.com

Abstract. The article examines the testimonies of Russian eyewitnesses to the Eastern Crisis of 1875 – 1878 about the causes and motives for Russian society of that time supporting the anti-Ottoman struggle of the Slavic peoples of the Balkan Peninsula. The author analyses diverse sources of personal origin, which can shed light on the rather complex problem of the essence of the attitude

on the part of Russian society to the Balkan Slavs' struggle at that time in history. The research source base is represented with the epistolary heritage, notes, memoirs, and diaries of Russian eyewitnesses to the events of the 1870s and early 1880s. The study reveals a wide range of possible reasons for supporting the Balkan Slavs, wherein awareness of the close kinship between the Slavic peoples in the Balkans and those in the Russian Empire was to a lesser extent responsible for that support.

Keywords: The Eastern crisis, the Russo-Turkish War of 1877-1878, testimony, participant, society, the Balkans.

For citation: Suchalkin E.A., Pshegorsky A.S. 2025. The reasons and motives for supporting the Slavs in the Russian social movement of 1875-1878 through the prism of evidence from domestic sources of personal origin. *Tractus aevorum: the evolution of socio-cultural and political spaces*. 12(3): 201-218. DOI: 10.18413/2312-3044-2025-12-3-201-218.

Введение

Восточный кризис 1875 — 1878 годов, напрямую и серьёзнейшим образом затронувший общество и власть Российской империи второй половины 1870-х и даже начала 1880-х годов, и сейчас остаётся в фокусе интересов исследователей. Неподдельный интерес по-прежнему вызывает небывалый подъём воодушевления значительной массы российского общества во второй половине 70-х годов XIX столетия. Целью данной статьи является изучение свидетельств отечественных современников о мотивах и причинах участия российского общества в движении поддержки славянских народов Балканского полуострова второй половины 1870-х годов.

Предмет и методология исследования

Объектом исследования данной статьи являются свидетельства мотивации поддержки славян в общественном движении России 1875 – 1878 гг., оставленные разными авторами в широком спектре источников личного происхождения второй половины 1870-х – начала 1880-х годов. В работе использованы историко-генетический, проблемно-хронологический и нарративный методы, совокупно позволившие более детально взглянуть на причины и мотивы поддержки борьбы балканских славян в общественном движении России 1875 – 1878 гг.

Весьма сложным вопросом, к сожалению, лишь фрагментарно попадающим в поле изучения исследователей этого периода, является вопрос о сущности, природе этого движения в поддержку славянской борьбы, а точнее – вопрос о мотивах, причинах её поддержки внутри российского общества. В историографии прошлых лет и особенно советского периода господствовало понимание большого искреннего движения в российском обществе в поддержку борьбы южных славян. Мотивы и причины этой поддержки рассматривались крайне редко. И в этих случаях по умолчанию превалировало понимание поддержки южных славян в российском обществе по причине осознания общего происхождения.

Вместе с тем, отечественные современники Восточного кризиса 1875-1878 гг., происходившие из разных страт российского общества, в большинстве своём оставили иные впечатления о мотивах и причинах людей, так и или иначе вовлечённых в движение поддержки борьбы балканских народов против османского владычества. И в целом, во многих случаях проявляли неподдельный интерес к этому вопросу.

Результаты и их обсуждение

При прочтении многочисленных источников личного происхождения, оставленных отечественными современниками событий второй половины 1870-х годов, бросается в глаза преимущественно скептическое отношение в отношении искренних мотивов поддержки балканской борьбы, особенно в плане глубины понимания единства славянских народов в русском обществе.

В пользу подобных воззрений, на наш взгляд, уже в то время могли свидетельствовать многочисленные упоминания, прямые и косвенные, о весьма низкой информированности широких слоёв русского общества, как о братских балканских народах, так и о самой идее единства и общности происхождения славянских народов. Это касалось и людей, напрямую участвовавших в «славянском» движении. Так, известный писатель Г.И. Успенский, характеризуя русских добровольцев, отправившихся на фронт в Сербию, отмечал, что среди них даже «искренние вояки» не знали «ни что такое Сербия («называется губернский город Белград, – сердился один...: – а извозчика не дозовёшься!»), ни что такое всеславянство»¹. Писатель и переводчик А.Н. Хвостов упоминал в той же манере: «многие добровольцы не могли уяснить себе хорошенько, в чём дело. Некоторые смешивали Сербию с Персией и не понимали, как это в Персии бояться черкесов»². Доброволец К.И. Воронич в юморной манере отмечал, что

¹ Успенский 1977, 281.

² Хвостов 1877, 10.

большинство добровольцев «разумело» себя приехавшими «не в Сербию..., а к Черняеву»³.

Писатель В.М. Гаршин в своих очерках упоминал об информированности солдатской массы о целях предстоящего конфликта с турками: «зачем шли на войну — знали смутно, несмотря на то, что целые полгода простояли недалеко от Кишинёва, готовые к походу». На примере конкретного сюжета писатель таким образом характеризует степень осведомлённости среднестатистического солдата русской армии: «...в это время можно было бы объяснить людям значение готовящейся войны, но, должно быть, это не считалось нужным. Помню, раз спросил меня солдат:

– А что, Владимир Михайлыч, скоро ли в бухарскую землю придём?

Я подумал сначала, что ослышался, но когда он повторил вопрос, ответил, что бухарская земля за двумя морями, что до неё тысячи вёрст и что вряд ли мы когда-нибудь попадём туда.

– Нет, Михайлыч, вы не так теперь говорите. Мне писарь сказывал. Перейдём, говорит, через Дунай, тут сейчас и будет бухарская земля.

– Так не бухарская болгарская! – воскликнул я.

– Ну, бургарская, бухарская, как там её по-вашему; не всё одно, что ли?

И он замолчал, видимо недовольный.

Знали мы только, что турку бить идём, потому что он много крови пролил»⁴.

О случаях непонимания целей войны среди низшего воинского состава есть сведения и в воспоминаниях санитар-волонтера Н.В. Свешникова. Во время трудного перехода через Балканы молодой солдат, отставший от своих и измученный трудностями и лишениями, сообщил пришедшим на помощь санитарам: «Что это нашему батюшке-царю нужно? Или у него народу много, или у него земли мало?»⁵ Частота подобных приведённых свидетельств позволяет предположить, что далеко не очевидно понимание большинством солдатской массы всей глубины идей, за которые их вели на смерть.

Примечательно, что классик русской литературы Л.Н. Толстой считал в своё время многочисленные «толки о герцеговинцах и сербах» особенно оживлёнными и определёнными «потому что никто ничего не понимает, и нельзя ничего понимать»⁶. Революционер и писатель В.В. Берви, характеризуя период царствования Александра II, отмечал, что «повальное грубейшее невежество народной массы господствовало

³ Воронич 1877, 163.

⁴ Гаршин 1984, 172.

⁵ Свешников 1996, 114.

⁶ Толстой 1992, 281.

на Руси. Насущнейшая потребность заключалась в том, чтобы распространить просвещение в этой массе»⁷.

Писатель А.Н. Энгельгардт, упоминая об отношении к русско-турецкой войне крестьянской массы в России, прямо заявлял: «Казалось бы, можно ли интересоваться тем, чего не знаешь, можно ли сочувствовать войне, понимать её значение, когда не знаешь, что такое Царьград?»⁸ Известный учёный-славист А.Н. Пыпин задавался не менее справедливым вопросом: «общество не знает — кому отдаётся наша помощь, уже стоившая столь громадных жертв и русских, и болгарских»⁹. Он оставил любопытное мнение относительно времени зарождения славянских симпатий в обществе: «Наше знание славянства вообще, и южного в том числе, до сих пор крайне ограничено в обществе; самый интерес к славянству возникает только теперь, тогда как до сих пор знакомство с ним было уделом немногих специалистов и любителей, работавших в чисто научном смысле. Если нынешний интерес к славянству не окажется мимолётным и скоропреходящим, то изучение славянства должно бы, по-видимому, возбудить сильное любопытство общества, потому что, в самом деле, в будущем развитии южного славянства для нас может представиться не только нравственный, но и практический интерес»¹⁰.

Подобные сведения современников об отсутствии у широких масс населения России в 1870-е годы элементарных знаний о славянских народах Балкан существенно противоречат мнению советских историков. К примеру, Н.И. Беляев отмечал: «Сочувственному отношению широких народных масс к освобождению балканских славян способствовало также и то, что русский крестьянин в XVIII – XIX веках на своих плечах вынес десять войн с Турцией, видел и хорошо знал тяжёлое положение балканских славян»¹¹.

Сведения о слабой осведомлённости о южнославянских народах многих людей, принявших участие в движении, наводят на мысль, что за искренние симпатии к славянам, как братским народам, могли быть приняты какие-либо иные мотивы. Хотелось бы выделить один весьма существенный — мотив поддержки балканских славян, как единоверцев, напрямую связанный с традиционной высокой религиозностью большинства русских людей. Из современников наиболее открыто об этом мотиве многократно упоминал классик русской литературы И.С. Тургенев. Так, в письме Ю.П. Вревской от 30/18 января 1877 г. (в канун открытого объявления войны Османской Турции) он писал: «Итак — славянский пыл испарился? Это меня не удивляет, потому что он всегда держался на одной поверхности, в так

⁷ Берви 1897, 323.

⁸ Энгельгардт 2003, 186.

⁹ Пыпин 1980, 194.

¹⁰ Пыпин 2003, 193-194.

¹¹ Беляев 1956, 10.

называемых высших слоях общества; но что религиозный жар остыл — это для меня менее понятно, так как можно было предполагать, что *народ* был им охвачен»¹². Пожалуй, сложно найти более открыто выраженное и вместе с тем обобщённое суждение об этой причине поддержки славянского движения в российском обществе. Любопытно, что, рассуждая об этом, сам Тургенев был искренним сторонником освобождения славян. В другом более раннем письме Е.А. Черкасской от 9 ноября 1876 г. он признавался: «Я, Вы знаете, не славянофил и никогда им не буду; сочувствовать глубоко движению, охватившему всю Россию, уже потому не в состоянии, что оно исключительно религиозное»¹³.

Писатель А.Ф. Писемский в письме к Дерели уже в 1880 г. — критически высказываясь о славянофилах, отмечал: «Славянофилы также мечтают слить все славянские племена во едино, что (и) по моему... до сих пор... утопия (и), так всё это пока ограничивается с нашей стороны религиозно-лингвистическим сентементальничанием, а со стороны [тех] братьев Славян довольно [неискреннею] сомнительною любовью людей принадлежащих к разряду недо[с]таточных к богатому родственнику»¹⁴.

К.И. Воронич в разговоре с одним из русских добровольцев в Сербии в 1876 г. узнал его причину приезда в эту страну: «не станешь сидеть на печке, коль того-же русского бьют — да кто ещё — мусульмане.

– Бьют-то ведь сербов, а не русских.

– Всё одно – тоже вера православная, бьёт то их за нашу-же веру турок – нам значит стоять надо за веру, а не за другое, что примерно, хоша-бы сербов»¹⁵.

Известный общественный деятель, славянофил И.С. Аксаков, возмущаясь после окончания русско-турецкой войны одной статьей, опубликованной в газете «Восток», в которой автор назвал «болгарский народ...неправославным», писал от 7 мая 1879 г.: «Каково же будет Русскому народу узнать, что он принёс столько жизней, столько жертв за неправославных!»¹⁶

Описывая отправление на дунайский театр русско-турецкой войны гвардии в августе 1877 г., унтер-офицер А.В. отметил желание одного лейб-егеря в поезде наказать турок: «Знамо дело лунцовать его надуть, потому больно уж наших православных, басурман-то обижает... На правое дело идём... христиан ослобонить... Господь благословит...»¹⁷. Известный деятель отечественной медицины

¹² Тургенев 1958, 507.

¹³ Тургенев 2003, 71.

¹⁴ Писемский 1936, 451.

¹⁵ Воронич 1877, 270.

¹⁶ Аксаков 1896, 283.

¹⁷ Война 1877 – 78. Записки унтер-офицера А.В. 1902, 13.

С.П. Боткин писал, что во время войны в Болгарии католическая церковь составляла «бросающееся в глаза явление, которое даёт право думать, что католикам здесь лучше живётся, чем православным; конечно, оно и понятно: туркам бояться католиков не было никаких оснований, — православная же религия была в сущности единственной связью болгар с Россией»¹⁸. Столь высокая степень религиозности и религиозного понимания предстоящей войны с османами была свойственна и представителям аристократических кругов. Так, князь Д.А. Оболенский отзывался о потенциале главнокомандующего великого князя Николая Николаевича: «О стратегических его способностях, разумеется, судить нельзя, но ежели Богу угодно будет благословить наше дело, то он даст способности и не имеющему оных»¹⁹.

Писатель В.А. Соллогуб также упоминал о значении религиозных причин поддержки славянского движения в общем ключе с другим современниками: «Весь смысл освобождения Болгарии сосредотачивался в убеждении, что народ исполнял волю Божию. За уничтожение крепостного права народ был сердечно благодарен, но заступничество за православие было в его глазах, по свойству чисто русскому, несравненно ценнее, чем собственная выгода, и к благодарности присоединилось благоговение к верховному сподвижнику Христова дела... Россия не хотела наказать мучителей. Она хотела спасти страдальцев»²⁰.

Русский военный историк П.А. Гейсман, допуская определённую возможность частичного восстановления Восточной империи под эгидой России, косвенно свидетельствовал о значении религиозного мотива в общественной поддержке славян: «...во все времена небольшие политические организмы, не имеющие в себе достаточно силы для того, чтобы устоять в политической и экономической борьбе за существование, соединяются в группы высшего порядка, преимущественно в силу племенного сродства. Однако значение этого сродства нередко ослабляется религиею. С течением времени и развитием цивилизации, несомненно торжествуют свобода совести и религиозная терпимость, племенное же сродство остаётся в своей силе»²¹.

Нужно заметить, что подобные оценки, доминирующие в источниках личного происхождения, всё чаще находят положительный отклик в отечественной историографии современного периода. Так, исследователь С.С. Секиринский, упоминал в своей статье об отношении к войне российского крестьянства: «Главную причину и цель ожидавшейся войны с турками крестьяне видели исключительно

¹⁸ Боткин 1893, 179.

¹⁹ Оболенский 2005, 402.

²⁰ Соллогуб 2003, 53.

²¹ Гейсман Ч. 1. 1887, 13-14.

в защите христиан от мусульманского ига. Правда, слух о том, что “русским мешают англичане и австрийцы — тоже христиане”, вызывал в народе недоумение и порождал опасные толки»²².

Нельзя полностью сбрасывать со счетов возможную весомую роль государственной пропаганды в раздувании «славянского пожара». И, вероятно, одним из действенных её орудий выступила газетная пресса. Из воспоминаний современников видно, что и «славянская» и «военная» темы были выгодны и самим газетным издателям. Так, по признанию К.И. Воронича «многого нужного не знали русские добровольцы до приезда в Сербию, и не знали... потому что читали лишь популярные газеты, да, только потому. Эти громкие, славянские глотки создали небывалую картину нашего движения и событий в Сербии, увлекая тысячи русских в заблуждение, другие тысячи бесполезно в могилу, а третьи, пятые и десятые в горькое разочарование и потерю всего дорогого». Газеты «увлеклись идеей и расчётом, — не материальным, ...а расчётом сделаться популярнее, и увеличить число подписчиков»²³.

Писатель Г.З. Елисеев в письме к Некрасову от 27 сентября 1876 г. из Петербурга упоминал: «Говоря серьёзно, я теперь начинаю жалеть немножко о том, что “Отечественные записки” впади вместе с другими органами в воинственный тон насчёт Сербии... Тому, кто верит в теологическую причинность явлений, может, пожалуй, показаться, что Промысл устроил сербскую войну единственно в пользу “Нового времени”. Никто не будет от неё в выигрыше, напротив — потеряют все: и Сербия, и другие славянские земли, и Турция, и Россия, — выиграет один Суворин. У него подписчиков, дескать, уже 16 000»²⁴. А.Ф. Писемский в письме к П.А. Писемскому от 17/19 июня 1878 г. упоминал, что с решением на берлинском конгрессе «Болгарского вопроса» «некоторые газетчики, которым война выгода, землю дерут от злобы, видя что золотое время их прекращается, что прямо их ударяют по карману: омерзительно читать проявления подобного патриотизма!»²⁵

Воспоминания современников сохранили сведения, позволяющие нам предположить, что на движение в поддержку славян могли оказывать влияние государственные структуры. Это влияние лучше всего прослеживается в отношении российского общества к восставшим в Боснии и Герцеговине. Ведь поддержка славян в общественном движении России приняло по-настоящему массовый характер лишь с вступлением в войну с Турцией Сербии и Черногории в 1876 г.

²² Секиринский 1998, 103.

²³ Воронич 1877, 76.

²⁴ Некрасов 1987, 463-464.

²⁵ Писемский 1936, 387-388.

Так, князь Д.А. Оболенский описывая в августе 1876 г. быстрое распространение «народного движения в России» сравнивает его размах с состоянием на начало лета: «Ещё недавно, а именно 20-го июня, писал мне из Москвы Аксаков, между прочим, следующее: “Вспомним 1853 год, когда собиралась гроза восточной войны: какое движение, какой одушевлённый подъём мыслей... А теперь? ... Тишь да гладь, всё смирно, никто не тревожится. Общество молчит, да и общества-то нет. Я, как старый конь, запертый в стойло только топчу ногами и ржу одиноко...”»²⁶.

Анализируя подобное отношение к восстанию в Боснии и Герцеговине, известный журналист, князь В.П. Мещерский негодовал: «и сербы заголосили про турецкие зверства, и неизвестно почему — пока славянское дело изображали собою герои и храбрецы как герцеговинцы, у нас симпатии к их защите были довольно слабы; но как только завопили сербы и болгары, представлявшие собою только сомнительные элементы, мы все, чуть ли не поголовно, стали страстными славянофилами и воскликнули: к оружию, россияне. И в заключение, в подтверждение этой поразительной несправедливости судебных и странной случайности, Сербия получила королевство, Болгария княжество, а герои Герцеговины и Боснии австрийского генерал-губернатора»²⁷. Это справедливое замечание подтверждает и князь Д.А. Оболенский в своём дневнике 20 июня 1876 г.: «С самого начала уцепившись за сочинённые австрийцами несбыточные предложения об умиротворении турецких славян посредством обещания реформ, мы сдерживали всеми средствами восстание в Герцеговине, не давали ему распространиться, хотя простой здравый смысл убеждал в невозможности осуществления реформ, которыми потчевали вышедших из терпения славян»²⁸.

Некоторое объяснение такой судьбе повстанцев Боснии и Герцеговины дал офицер генерального штаба М.А. Газенкампф, упоминая, что «без предварительного секретного обещания крупной подачи Австрии (Босния и Герцеговина) мы и воевать бы не могли»²⁹. Однако гораздо более убедительны сведения о том, что само восстание происходило не без влияния Австрии, тем более, что значительную часть населения восставшего региона составляли не только православные (сербы), но и католики (хорваты). Так, русский дипломат и путешественник А.С. Ионин в донесении к управляющему министерством иностранных дел А.Г. Жомини об успешных действиях повстанцев Герцеговины и о положении в Черногории отмечал следующее: «Католическое население во всех сражениях ведёт себя ниже всякой критики. Это происходит оттого, что эти люди, будучи

²⁶ Оболенский 2005, 393.

²⁷ Мещерский 2001, 355.

²⁸ Оболенский 2005, 392.

²⁹ Газенкампф 1908, 490.

под моральным игом своих священников, являлись всегда наиболее забитой частью населения района, и я думаю также, что заблуждение, в котором они находились, было причиной вялости их действия. Это они с самого начала восстания водрузили австрийские знамёна, а теперь они, должно быть, в замешательстве, видя, что по мере того, как развёртывается борьба, лозунгом восстания становится: свобода под эгидой князя Николая.

Их священники, которые были сначала самыми горячими зачинщиками восстания и больше всего препятствовали переговорам повстанцев с оттоманскими комиссарами в Невесинье, в целях достижения компромисса мирным путём теперь укрылись в Рагузе, покинув свою паству»³⁰.

Действительно, в самом начале восстания под значительным влиянием проавстрийской агитации на границах Боснии и Герцеговины неоднократно появлялись отряды под австрийскими знамёнами; католическим населением на имя Франца-Иосифа I подавались петиции с просьбой покровительства.

Более того, известен факт путешествия императора Франца-Иосифа I вдоль границы Боснии и Герцеговины ещё весной 1875 г. О результате этой демонстрации известный исследователь Восточного кризиса 1870-х гг. А.А. Улунян упоминал: «В весенней поездке австрийского императора восставшие почувствовали негласную поддержку и поощрение в вооружённом выступлении против султанской Турции»³¹.

Однако по мере дальнейшего развёртывания событий лозунгом восстания становилось объединение Боснии и Герцеговины с Сербией и Черногорией. Это способствовало усилению розни между хорватами и сербами, нашедшей яркое выражение на страницах славянских газет в Сербии и Австро-Венгрии³².

Здесь же стоит привести письмо сербского митрополита Михаила, написанное в начале 1876 г. русскому представителю Н.А. Попову о необходимости помощи России в решении Восточного вопроса: «Австрия подняла восстание в Херцеговине несвоевременно для нас и вас с целью, чтобы потеряли и мы и вы. А когда видела, что решится не по её расчётам, тогда завела интриги. О, если бы она вас не обманула, вы можете нашу ошибку исправить, а мы вашу не можем?!»³³

Вице-директор азиатского департамента министерства иностранных дел А.А. Мельников в письме председателю Петербургского отдела славянского комитета И.П. Корнилову от 25 августа 1875 г. отмечал любопытный нюанс проводимой

³⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х томах. Т. 1. 1961, 68.

³¹ Улунян 1978, 12.

³² Там же, 69.

³³ Там же, 176.

государственной политики, связанный с разрешением проводить сбор средств в пользу жертв восстания в Боснии и Герцеговине: «...его императорскому величеству благоугодно было в 23 день сего августа всемилостивейшее соизволить на открытие предполагаемой подписки с тем, однако, непременным условием, чтобы собранные деньги были предоставлены исключительно в пользу жертв восстания и никак не в пользу самих инсургентов»³⁴.

Таким образом, не исключено, что российское правительство, не желая приращения Габсбургской монархии за счёт восставших земель, сумело оказать определённое влияние на общественное мнение внутри России и, в первую очередь, — восприятие балканских событий 1870-х годов у населения городов, по которому и судили в основном современники о масштабах и причинах поддержки славян в русском обществе. Другой причиной может служить сравнительная удалённость Боснии и Герцеговины как от черноморских проливов, которые во многом определяли интересы России на Балканах, так и от самой России, которой было бы непросто удерживать столь отдалённую сферу влияния.

Косвенным подтверждением вышесказанному может служить и отмеченное советской историографией изменение отношения к общественной поддержке славян российского правительства, «которое с началом сербско-турецкой войны, с ростом общественной поддержки боровшимся южным славянам... и возрастанием недовольства пассивной позицией правительства не только в славянофильских, но и в либеральных кругах, хотя и придерживалось, как и раньше тактики невмешательства, готово было предоставить общественности широкую свободу в помощи славянам. Что это так, видно из отношения правительства к формированию добровольческих отрядов и из прямых свидетельств ряда источников»³⁵.

По поводу общественной поддержки славян в более позднее время, когда в войну уже вступили Сербия и Черногория, В.П. Мещерский писал: «...сегодня по Гостиному двору торжественно, с красным придворным лакеем позади, ходят придворные дамы и собирают на пользу раненых славян Балканского полуострова, и ужаленный этим зрелищем английский посол летит говорить Горчакову: разве может придворная дама так открыто собирать деньги по городу, если нет сочувствия сверху?»³⁶ И действительно, военный министр Д.А. Милютин в своём дневнике прямо упоминал о тайной поддержке императора распространения движения в защиту южных славян от 23 сентября: «Ясно, что во всём этом деле движения волонтёров в Сербию сам государь действовал двойственно*** (***колебался) и отчасти сам способствовал распространению

³⁴ Удунян 1978, 88.

³⁵ Никитин 1957, 54.

³⁶ Мещерский 2001, 355-356.

убеждения, что правительство поощряет это движение. Всем известно, что наследник цесаревич принимал и продолжает принимать самое деятельное участие в славянском деле... Исходящая из Аничковского дворца агитация идёт совершенно вразрез принятой официально политике; государь это знает и смотрит сквозь пальцы. При такой двойственности может ли быть какая-либо определённая система в действиях, какой-нибудь ясный план!»³⁷

По свидетельству П.А. Гейсмана правительство ценило движение в поддержку славян и «нисколько не задерживало русских людей, желавших сражаться в рядах Сербов»³⁸. Более того, когда офицерам разрешили ехать в Сербию, предварительно уволившись и с возможностью вернуться на службу в том же чине, генерал-майор Элис прибавил к объявлению офицерам лейб-гвардии егерского полка, «что Августейший начальник дивизии с особенным удовольствием узнал-бы, что в его дивизии оказалось много таких охотников». «По возвращении добровольцев в Россию они были приняты вновь на службу в свой родной Лейб-Гвардии Егерский полк; общество офицеров чествовало вернувшихся товарищей обедом, который был устроен в дежурной комнате»³⁹.

И.С. Аксаков в письме к Н.П. Гилярову-Платинову от 8 августа 1876 г. отмечал, что не находит «удобным разглашать» о деятельности Славянского комитета, и приводя пример газеты «Голос», полагал, что «ведь такая гласность может помешать самому Правительству игнорировать яко бы нашу деятельность»⁴⁰. При этом, уже гораздо позднее Иван Сергеевич, являвшийся одним из организаторов славянских комитетов, в одном из писем признавался в своих близких связях в правящих кругах: «У Государя (Александра III) не только аудиенции не просил, но даже с воцарения его ни разу ему не представился, хотя мне по моим связям это было бы более чем легко»⁴¹.

О том, что распространение симпатий к славянам в российском обществе было вполне в интересах правящей элиты косвенно свидетельствует мнение Д.А. Милютина: «Вообще утверждение нравственного влияния России на христианское население Балканского полуострова гораздо важнее для существенных интересов России, чем приобретение какого-либо клочка земли»⁴².

Ординарец главнокомандующего в русско-турецкую войну В.М. Вонярянский упоминал об излишнем запугивании людей накануне конфликта возможными проявлениями фанатизма турок: «Болгария оставалась для нас совершенно неизведанной страной. Я

³⁷ Милютин Т. 2. 1949, 86.

³⁸ Гейсман Ч. 1. 1887, 30.

³⁹ История лейб-гвардии егерского полка за сто лет 1796 – 1896. 1896, 376.

⁴⁰ Аксаков Т. 4. Ч. 2. 1896, 282.

⁴¹ Там же, 287.

⁴² Милютин Т. 2. 1949, 239.

помню, например, как нас пугали фанатизмом турок, остерегали, что неприятель будет отравлять колодцы, и потому рекомендовали быть осторожными при употреблении воды. Вместо того оказалось после переправы через Дунай, что в Болгарии колодцев почти нет, а есть фонтаны, обделанные камнем, с написанными на них изречениями Корана. Из маленького отверстия течёт чистая как хрусталь вода: отравить фонтан невозможно, да и вряд ли какой турок решится это сделать, потому что всякий мусульманин считает его священным и даже тому, кто устроит подобный фонтан, Коран обещает рай Магомета»⁴³.

И.С. Тургенев отмечал в своих письмах затишье, произошедшее в народном движении в поддержку славян на рубеже 1876 – 1877 гг.: «Я полагал сперва, что трудно будет уложить волны расходившегося народного моря; но, кажется, они укладываются сами собою»⁴⁴. Чуть позже в письме Ю.П. Вревской от 30/18 января 1877 г. он почти открыто признавал всё движение и его затишье инспирированным представителями самодержавия: «...нет на свете правительства, которому было бы легче руководить своей страной. Прикажут — на стену полезем; скомандуют: оставь! — мы с полстены опять долой на землю»⁴⁵.

Заключение

В ходе исследования были проанализированы свидетельства из достаточно большого спектра разнообразных источников личного происхождения. Они позволили под несколько иным углом посмотреть на внешне кристально понятную ранее проблему сущности отношения российского общества к борьбе южных славян против османского владычества в конце 1870-х годов. Свидетельства из писем, записок, дневников, мемуаров российских современников того исторического периода, невзирая на установки и выводы историографии прошлых лет, позволяют прийти к выводу о достаточно сложной картине разнообразных причин и мотивов, побуждавших представителей общества пореформенной России в разных формах идти на помощь страждущим балканским славянам. При этом уже можно с большой долей уверенности сформулировать вывод о довольно весомой роли религиозного фактора, как потребности помочь южным славянам в качестве братьев по православной вере, в общем спектре причин и мотивов помощи славянскому движению в русском обществе второй половины 1870-х годов.

⁴³ Вонлярлярский 1891, 14 – 15.

⁴⁴ Тургенев Т. 12. Кн. 1. 1966, 32.

⁴⁵ Тургенев Т. 12. 1958, 507.

Библиография

- Аксаков, И.С. 1896. *И.С. Аксаков в его письмах*. В 4 т. Т. 4. 1858–1886 гг. Ч. 2. Письма к разным лицам. М.: Тип. А.С. Суворина.
- Беляев, Н.И. 1956. *Русско-турецкая война 1877–1878 гг.* М.: Воениздат.
- Берви, В.В. 1897. *Три политические системы: Николай 1, Александр 2, Александр 3. Воспоминания*. Б.М.
- Боткин, С.П. 1893. *Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г.* СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича.
- Война 1877–78. Записки унтер-офицера А.В.* 1902. СПб.: Типолитогр. А.А. Лейферта.
- Вонлярлярский, В.М. 1891. *Воспоминания ординарца о войне 1877–1878 гг.* СПб.: Коммерч. скоропеч. преемн. Евгения Тиле.
- Воронич, К.И. 1877. *Изнанка сербской войны. Записки в трёх частях К.И. Воронича*. Т. 1. Ч. 1-2. СПб.: Тип. и литогр. Д.И. Шеметкина.
- Газенкампф, М.А. 1908. *Мой дневник 1877-78 гг.* СПб.: В. Березовский.
- Гаршин, В.М. 1984. *Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма*. М.: Сов. Россия.
- Гейсман, П.А. 1887, 1889. *Славяно-турецкая война 1876-77-78 гг. и ея значение в истории развития восточного вопроса. Мысли, воспоминания и впечатления П. Гейсмана, бывшего участника войн 1876 и 1877–1878 годов*. В 2 ч. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно.
- История лейб-гвардии егерского полка за сто лет 1796–1896*. 1896. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно.
- Мещерский, В.П. 2001. *Мои воспоминания*. М.: И. Захаров.
- Милютин, Д.А. 1949. *Дневник Д.А. Милютина*. В 3 т. Т. 2. М.
- Некрасов, Н.А. 1987. *Переписка Н.А. Некрасова*. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит.
- Никитин, С.А. 1957. *Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1876 гг. Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии*. М.: Издательство академии наук СССР: 3–77.
- Оболенский, Д.А. 2005. *Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 1855–1879*. СПб.
- Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х томах*. 1961. Т.1. М.: Издательство академии наук СССР.
- Писемский, А.Ф. 1936. *Материалы и исследования*. М.-Л.: 1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
- Пыпин, А.Н. 1980. Из статьи «Наша печать и болгарские дела». Достян И.С. *Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов*. М.: 194–199.
- Пыпин, А.Н. 2003. Старая и новая Болгария. *Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX – начала XX вв.* М.: РУДОМИНО: 190–194.
- Свешников, Н.И. 1996. *Воспоминания пропавшего человека*. М.: Новое литературное обозрение.
- Секиринский, С.С. 1998. Барское дело. *Родина*. 5–6: 100–104.
- Соллогуб, В.А. 2003. *Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 г. Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX – начала XX вв.* М.: РУДОМИНО: 52–55.
- Толстой, А.Н. 1992. *Полное собрание сочинений*. Т. 62. М.
- Тургенев, И.С. 1966. *Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Письма в 13-ти томах. Письма*. Т. 12. М.-Л.: Наука.

- Тургенев, И.С. 1958. *Собрание сочинений*. В 12 т. Т. 12. М.: Госиздат. худож. лит.
- Тургенев, И.С. 2003. Из письма Е.А. Черкасской. *Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX – начала XX вв.* М.: РУДОМИНО: 69–72.
- Улунян, А.А. 1978. *Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия (очерки)*. М.: Наука.
- Успенский, Г.И. 1977. *Теперь и прежде*. М.: Сов. Россия.
- Хвостов, А.Н. 1877. *Русские и сербы в войну 1876 года за независимость христиан. Общий критический обзор. Письма А.Н. Хвостова*. СПб., Русская скоропечатня (П.С. Нахимова).
- Энгельгардт, А.Н. 2003. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. *Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX – начала XX вв.* М.: РУДОМИНО: 186–190.

References

- Aksakov, I.S. 1896. *I.S. Aksakov v ego pis'mah*. V 4 t. T. 4. 1858–1886 gg. Ch. 2. Pis'ma k raznym licam. Moscow: Tip. A.S. Suvorina. (In Russian).
- Beljaev, N.I. 1956. *Russko-tureckaja vojna 1877–1878 gg.* Moscow: Voenizdat. (In Russian).
- Bervi, V.V. 1897. *Tri politicheskie sistemy: Nikolaj 1, Aleksandr 2, Aleksandr 3. Vospominanija*. B.M. (In Russian).
- Botkin, S.P. 1893. *Pis'ma S.P. Botkina iz Bolgarii 1877 g.* Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasjulevicha. (In Russian).
- Gazenkampf, M.A. 1908. *Moj dnevnik 1877-78 gg.* Saint Petersburg: V. Berezovskij. (In Russian).
- Garshin, V.M. 1984. *Sochinenija: Rasskazy. Oчерki. Stat'i. Pis'ma*. Moscow: Sov. Rossiya. (In Russian).
- Gejsman, P.A. 1887, 1889. *Slavjano-tureckaja vojna 1876-77-78 gg. i eja znachenie v istorii razvitiya vostochnogo voprosa. Mysli, vospominanija i vpechatlenija P. Gejsmana, byvshego uchastnika vojn 1876 i 1877–1878 godov*. V 2 ch. Saint Petersburg: Tip. Trenke i Fjusno. (In Russian).
- Hvostov, A.N. 1877. *Russkie i serby v vojnu 1876 goda za nezavisimost' hristian. Obshhij kriticheskij obzor. Pis'ma A.N. Hvostova*. Saint Petersburg: Russkaja skoropечатnja (P.S. Nahimova). (In Russian).
- Istorija lejbgvardii egerskogo polka za sto let 1796–1896*. 1896. Saint Petersburg: Tip. Trenke i Fjusno. (In Russian).
- Jengel'gardt, A.N. 2003. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. *Rossija i Bolgarija. Po stranicam russoj literatury XIX – nachala XX vv.* Moscow: RUDOMINO: 186–190. (In Russian).
- Meshherskij, V.P. 2001. *Moi vospominanija*. Moscow: I. Zaharov. (In Russian).
- Miljutin, D.A. 1949. *Dnevnik D.A. Miljutina*. V 3 t. T. 2. Moscow (In Russian).
- Nekrasov, N.A. 1987. *Perepiska N.A. Nekrasova*. V 2 t. T. 2. Moscow: Hudozh. lit. (In Russian).
- Nikitin, S.A. 1957. *Russkoe obshhestvo i nacional'no-osvoboditel'naja bor'ba juzhnyh slavjan v 1875–1876 gg. Obshhestvenno-politicheskie i kul'turnye svjazi narodov SSSR i Jugoslavii*. Moscow: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR: 3–77. (In Russian).

- Obolenskij, D.A. 2005. *Zapiski knjazja Dmitrija Aleksandrovicha Obolenskogo, 1855–1879*. Saint Petersburg. (In Russian).
- Osvobozhdenie Bolgarii ot tureckogo iga. Dokumenty v 3-h tomah*. 1961. T.1. Moscow: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Pisemskij, A.F. 1936. *Materialy i issledovanija*. Moscow-Leningrad: 1-ja Obrazcovaja tip. Ogiza RSFSR tresta «Poligrafkniga». (In Russian).
- Pypin, A.N. 1980. Iz stat'i «Nasha pechat' i bolgarskie dela». *Dostjan I.S. Russkaja obshhestvennaja mysl' i balkanske narody: Ot Radishheva do dekabristov*. Moscow: 194–199. (In Russian).
- Pypin, A.N. 2003. Staraja i novaja Bolgarija. Rossiya i Bolgarija. *Po stranicam russkoj literatury XIX – nachala XX vv*. Moscow: RUDOMINO: 190–194. (In Russian).
- Sveshnikov, N.I. 1996. *Vospominanija propashhego cheloveka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Sekirinskij, S.S. 1998. Barskoe delo. *Rodina*. 5–6: 100–104. (In Russian).
- Sollogub, V.A. 2003. Dnevnik vysochajshhego prebyvanija imperatora Aleksandra II za Dunaem v 1877 g. Rossiya i Bolgarija. *Po stranicam russkoj literatury XIX – nachala XX vv*. Moscow: RUDOMINO: 52–55. (In Russian).
- Tolstoj, L.N. 1992. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 62. Moscow. (In Russian).
- Turgenev, I.S. 1966. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 28 t. Pis'ma v 13-ti tomah*. Pis'ma. T. 12. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Turgenev, I.S. 1958. *Sobranie sochinenij*. V 12 t. T. 12. Moscow: Gosizdat. hudozh. lit. (In Russian).
- Turgenev, I.S. 2003. Iz pis'ma E.A. Cherkasskoj. Rossiya i Bolgarija. *Po stranicam russkoj literatury XIX – nachala XX vv*. Moscow: RUDOMINO: 69–72. (In Russian).
- Ulunjan, A.A. 1978. *April'skoe vosstanie 1876 g. v Bolgarii i Rossiya (očerki)*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Uspenskij, G.I. 1977. *Teper' i prezhdje*. Moscow: Sov. Rossiya. (In Russian).
- Vojna 1877–78. Zapiski unter-oficera A.V.* 1902. Saint Petersburg: Tipolitogr. A.A. Lejferta. (In Russian).
- Vonljarskij, V.M. 1891. *Vospominanija ordinarca o vojne 1877–1878 gg*. Saint Petersburg: Kommerch. skoropech. preemn. Evgenija Tile. (In Russian).
- Voronich, K.I. 1877. *Iznanka serbskoj vojny. Zapiski v trjoh chastjah K.I. Voronicha*. T. 1. Ch. 1-2. Saint Petersburg: Tip. i litogr. D.I. Shemetkina. (In Russian).

Об авторах

Сучалкин Евгений Анатольевич, доцент департамента истории института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия. ORCID: 0009-0009-1894-5321.

Пшегорский Антон Сергеевич, доцент кафедры философии, социологии и истории, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия. ORCID: 0009-0005-6150-9948.

About the authors

Evgeniy A. Suchalkin, associate professor of the Department of History at the Institute of Humanities, Moscow City University, Moscow, Russia. ORCID: 0009-0009-1894-5321

Anton S. Pshegorsky, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology, and History, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia. ORCID: 0009-0005-6150-9948

Поступила в редакцию: 02.09.2025

Submitted: September 2, 2025

Принята к публикации: 16.09.2025

Accepted: September 16, 2025